

ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Я, Исраилов Умар (также известен как Алихан) Шарпуддиевич, 1981 г.р., уроженец с. Мескер-Юрт Шалинского района Чеченской Республики Российской Федерации, ныне проживающий за границей, стал жертвой незаконного задержания, применения пыток и разных видов жестокого обращения со стороны сотрудников Службы Безопасности Президента Чеченской Республики (СБ).

Ниже я излагаю коротко события, связанные с нарушениями моих прав. Я прошу Вас возбудить уголовное дело по этим преступлениям в соответствии со статьями 140, 141, 144 и 145 Уголовно-Процессуального кодекса и признать меня потерпевшим в соответствии со ст. 42 УПК.

По поводу своего задержания я могу пояснить следующее: В 2001 году я стал сотрудничать с группой боевиков в Мескер-Юрте под командой Резвана Осмаева. Сначала я занимался сбором информации о расположении мобильных постов, чтобы боевики не попали в засаду, а потом мне выдали оружие и я участвовал в операциях боевиков. 15 апреля 2003 года, ночью, мы с еще двумя молодыми людьми покинули блиндаж где мы жили чтобы поехали за продуктами в село Белготой, где были открыты ночные ларьки. По дороге нас задержала группа сотрудников из вневедомственной охраны (так называемый нефтеполк) из этого села.

Меня туго связали какой-то веревкой так, что я не мог пошевелиться, и бросили в багажник автомобиля. Нас вскоре привезли в так называемый «нефтепарк»--базу Нефтеполка между Мескер-Юртом и Белготоем, где мы провели меньше часа, и потом в Аргун, в район города, который называется Индийский поселок, где находилась временная база кадывровцев. Эта база находилась в большом частном доме, с подвалом (сейчас ее там уже нет). Мне надели на голову мешок, руки были в наручниках, а ноги связаны, и бросили в подвал.

Той же ночью меня начали допрашивать и избивать. Среди тех, кто меня допрашивал был командир СБ из Беноя, по имени Мусы. Он задавал мне вопросы о собрании боевиков, которое должно было состояться в Чечен-Ауле и куда, как он полагал, мы направлялись; он спрашивал о том, где должно проходить собрание, кто будет на нем присутствовать, чему оно посвящено.

Я ничего не знал о собрании и не мог ответить на эти вопросы—тогда Муса и другие люди начинали меня избивать. Я сидел на полу, на коленях, ноги были связаны, и руки тоже связаны сзади. Когда били, я падал, а они поднимали, и били опять. Муса задавал вопросы, и если я отвечал отрицательно – «не был» или «не знаю», они начинали бить, минуты 3-5, а потом он снова задавал вопросы, и так продолжалось всю ночь, я вообще не спал. Муса бил меня рукояткой пистолета.

На рассвете приехал начальник милиции Аргуна со своей охраной. Они стали нас с двумя другими парнями страшно избивать, обвиняя в убийстве милиционера в Аргуне, которое произошло накануне. Они говорили: «Вы живыми отсюда не выйдете все равно, все равно помрете, собаки, лучше уж давайте, рассказываете, хотя бы легкую смерть примете.» Они избивали нас в течение, наверное, полутора-двух часов, настаивая, чтобы я подписал какую-то бумагу—я не знал, что там написано, и отказался подписывать. Потом они внезапно уехали. Позже в этот день Муса продолжал меня бить, но уже не так сильно, как накануне.

На следующее утро нас повезли сначала в Гудермес в так называемый «боксерский клуб» и показали Рамзану Кадырову, который велел везти нас в село Центорой. На базе в Центорое нас посадили в пристройке с двумя камерами для заключенных. Когда нас привезли, там уже было пять человек, и нас трое – всего восемь заключенных. Я провел там последующие три месяца, и в камерах было разное количество людей, иногда доходило до 30 человек, и, в отсутствие форточек, там было совсем не чем дышать. За три месяца, что я там провел, мне ни разу не дали помыться.

В течение первых двух недель меня допрашивали и били каждый день. Руководил допросами и избиениями, в основном, один из командиров СБ, Вахид Усмаев, которого все там знали по кличке «Джихад». Он задавал вопросы, и избивал, и еще была группа людей, которая участвовала в избиениях. Эти допросы обычно проводились в спортзале на базе. Нас туда водили по одному. Меня привязывали к тренажеру, на который ставится штанга, и стали избивать. Спрашивали про Резвана Осмаева, других боевиков, места, где спрягано оружие, а также про совещание в Чечен-Ауле, о котором я упоминал выше. Сам Кадыров Рамзан тоже присутствовал при моих допросах, примерно три раза в неделю.

После первых двух недель заключения допросы, в основном, прекратились, однако, в камеры периодически приходили различные сотрудники СБ, и избивали меня и других заключенных. В частности, туда приезжал и занимался избиениями заключенных Адам Делимханов, командир Нефтеполка; Альви Усманов, командир СБ из Цоцин-Юрта (кличка Оскар), Джихад.

Однажды, в камеру пришли несколько знакомых мне человек и стали бить меня прикладами и другими предметами. После того, как они меня избили, несколько из них схватили меня и крепко держали. Другие в это время задрали брючины моих штанов и стали тыкать в меня горячим металлическим прутом. Это был шомпол, длиной примерно 30-35 см, и толщиной с мизинец. Прут был не особенно острым, но горячим, и это причиняло сильную боль. Они тыкали его мне в ноги в нескольких местах, всего раз пять или шесть, в частности, под колено на левой ноге, и под большим пальцем на правой ноге. Это продолжалось минут десять. Следы от пыток горячим шомполом сохранились до сих пор.

В другой раз, ко мне в камеру зашел один из охранников, Пахрудди, и стал меня бить по голове, и, когда я встал, он достал пистолет, и выстрелили мне в ногу. Я

успел убрать ногу, но пуля несколько раз срикошетила, и задела меня в районе губы – я еще легко отделался. Этот человек тогда вызвал врача, и врач прямо на месте, без наркоза, стал зашивать мне губу – рана была глубокая. Шрам на губе также сохранился до сих пор.

По прошествии трех месяцев, мне вдруг выдали военную форму и записали в СБ. Сначала я стоял на посту на подъезде к базе в Центорое, потом я стал работать в личной охране Кадырова. Я также какое-то время работал в отряде Саид-Эимна Исмаилова, по кличке «Разведчик». Потом Кадыров меня назначил командиром СБ в Мескер-Юрте. Там я должен был ловить местных боевиков. В конце концов меня перевели в ППСМ-2.

Летом 2004 г. я попал в серьезную аварию и долгое время лечился. В ноябре того же года мы с семьей убежали из России так как считали что нам грозит опасность. Через некоторое время после нашего отъезда я получил известие о том, что моего отца, его жену, и сестру моей жены забрали кадыровцы. Сам Кадыров Рамзан позвонил на мой мобильный телефон в Польше и требовал чтобы я приехал обратно. В противном случае, моим родственникам будет плохо. Я решил не возвращаться домой и надеялся на то, что моих родственников скоро отпустят. Однако моего отца, Исраилов Шарпудди, держали в течении почти года, сначала на базе в Центорое, там же где и я находился, а потом на базе СБ в Гудермесе. Его жену почти сразу отпустили. Сестру моей жены держали две недели, сначала тоже на базе в Центорое и потом в Гудермесе.

Я прошу Вас в соответствии с российским законодательством возбудить уголовное дело по данному заявлению. Как я выше указал, мы с семьей в данный момент находимся вне России. Однако я, мой отец и другие родственники готовы давать показания российским правоохранительным органам по вышеизложенным обстоятельствам как в письменном так и в устном виде. Прошу Вас сообщить на нижеуказанный почтовый ящик если такая необходимость возникнет.

Я также прошу мне выслать копию постановления принятого по данному заявлению в соответствии со ст. 145 УПК решения в установленный законом срок на почтовый ящик [REDACTED]

С уважением,

Исраилов У.Ш.
26 октября 2006 г.